

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

В Дороге
и Дома

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ»

1 9 5 0

В. Полторацкий

В ДОРОГЕ
И ДОМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ»
1 9 5 0

Предлагаемые вниманию читателя очерки В. Полторацкого «В дороге и дома» написаны в разное время. Одни из них запечатлели первые восстановительные работы, начатые советским народом после победоносного окончания Великой Отечественной войны. В других представлен более поздний период, когда советские люди добились выдающихся успехов в выполнении послевоенного пятилетнего плана. В очерках на зарубежные темы читатель найдет Париж в 1946 году и 1949 года.

Естественно, что многое в тех местах, которые описывает автор, коренным образом изменилось. Там, где еще были руины и пепелища, выросли корпуса новых заводов. Там, где люди с огромным упорством преодолевали трудности послевоенного периода, наступило изобилие, царит радость и счастье.

Многое изменилось и за рубежами нашей Родины. В огромную непобедимую силу выросло движение сторонников мира, возглавленное великим Советским Союзом сразу же после окончания второй мировой войны.

Очерки В. Полторацкого представляют несомненный интерес для читателя, как живое свидетельство великих трудов советских людей, как документальные записи, в которых запечатлены яркие страницы борьбы народов за лучшее будущее, за мир, демократию и социализм.

ИЗДАТЕЛЬСТВО.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

СТРОИТЕЛИ МИРА

Лет десять назад среди передовых колхозов на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке был представлен колхоз имени Сталина Генического района, тогда еще Запорожской, а ныне Херсонской области.

О засушливых степях, среди которых разместились земли колхоза имени Сталина, из старых учебников географии можно было узнать, что весной эти степи покрываются пышной растительностью, но уже в конце мая цветы и трава выгорают, и степь превращается в бурую безжизненную равнину. Нет на этой равнине ни деревца, ни даже одинокого кустика, и гуляют по ней лишь горячие ветры да гонимые ими серые клубки перекати-поля.

Советские люди дерзновенно решили изменить облик этой степи. Еще в двадцатых годах, вскоре после окончания гражданской войны, бывшие красноармейцы и партизаны создали здесь сельскохозяйственную комму-ну, на базе которой впоследствии организовалась сельскохозяйственная артель имени Сталина.

Благодаря усилиям колхозников в степи появились сады, стал расти хлопок, озимая пшеница давала урожая по 16 центнеров с гектара.

За выдающиеся успехи в сельском хозяйстве колхоз был награжден орденом Ленина. Воодушевленные этой наградой, люди уверенно шли к новым большим делам.

Но вот началась война. Два года бесчинствовали на Херсонщине гитлеровцы. Отступая, они уничтожили все хозяйственные постройки колхоза имени Сталина, разрушили электростанцию, вырубали сады.

Весною 1944 года в колхозе было три лошади и двенадцать коров. На 650 дворов сохранилось всего две курицы. Вот с этого и пришлось начинать. Государство выдало колхозникам ссуду. Но все же думалось, что потребуются долгие и долгие годы для того, чтобы снова достичь того уровня жизни, до которого поднялся колхоз имени Сталина накануне войны...

1.

Начало марта 1949 года. Под Херсоном весна. Над черной равниной зяби едва приметно курится тонкий парок. Кора на деревьях и кустарниках стала глянцовитой, залоснилась. Уже заметно набухают почки. Отары овец вышли в степь. А степь лежит ровная, будто скатерть, и аккуратные ряды белых домиков, если глядеть сверху, напоминают разложенные по ней куски пиленого сахара.

Издалека виднеется вышка нового элеватора на маленькой станции «Партизаны». Километрах в трех от «Партизан» и расположена центральная усадьба колхоза имени Сталина.

Вход на усадьбу открывают красивые большие ворота. Сразу за воротами — сквер. Напротив сквера — правление колхоза...

Григорий Павлович Литовченко, председатель колхоза имени Сталина, недавно вернулся из Киева. Он сзидил на Всеукраинское совещание передовиков сельского хозяйства, выступал там с речью, разговаривал с Никитой Сергеевичем Хрущевым и теперь, рассказывая о делах колхоза и о планах на будущее, был в том состоянии хорошей приподнятости, которое возникает в дружеском общении сильных и смелых людей.

— По основным показателям хозяйства мы перешагнули довоенный уровень, — говорил он. — В прошлом году сдали государству хлеба 242280 пудов, — на 76300 пудов больше, чем в 1940 году. Четверть миллиона пудов с одного колхоза. Вдумайтесь в эти цифры!

Мы имеем 248 лошадей, 860 голов крупного рогатого скота, около 7 тысяч овец, свиноферму, восстановили ферму рысистых коней. Следует учесть при этом, что рабочих рук стало меньше.

— Как же колхоз справляется с работой?

— Механизацию принимать во внимание надо, — ответил Литовченко. — Но, откровенно говоря, в первые послевоенные годы было ой как тяжело. Два лета подряд нас мучила засуха. Выйдешь в степь, а жара, как из печи. Колодцы пересохли. Земля потрескалась... А тут и за посевами надо ухаживать и строиться. Бывало, вечером люди с работы идут, так на них и глядеть-то страшно.

И все-таки колхоз не сдавался. Жил!

Мы возродили свои виноградники, поправили сады, построили фермы, вновь пустили разрушенную немцами электростанцию. Впрочем, теперь эта станция для нас уже маловата. Нам нужно в десять раз большую, и мы ее построим в этом году. Непременно!

У колхоза двенадцать с половиной тысяч гектаров земли: четыре с половиной тысячи было занято зерновыми посевами. Озимой пшеницы мы собрали в среднем по 17 центнеров с гектара.

— А можно ли собирать большие урожаи?

— И даже обязательно, — уверенно ответил Литовченко. — Все возможности для того, чтобы сделать не шаг, а даже скачок вперед, у нас есть. Варя Родченко у нас, например, собрала со своего участка в среднем по 30,6 центнера озимой пшеницы «крымка» с гектара. Что она для этого сделала? Позаботилась о задержании снега, во-время прокультивировала зябь и подкормила посевы. Словом, соблюдала правила агротехники. Могут то же самое дать другие? Могут. Это — первая возможность.

Дальше — мы вводим травополье. В системе севооборота у нас теперь многолетние травы. А ведь посевы многолетних трав восстанавливают почву. Происходит как бы омоложение земли. И это уже в ближайшее время повысит урожайность зерна с каждого гектара на 5—6 центнеров, а то и больше. Это — вторая возможность.

В наших засушливых местах остро стоит вопрос о борьбе за сохранение влаги. Сейчас на колхозных землях имеется 48 гектаров полезащитных лесных полос.

Этой весной посадим еще 25, а к будущей весне таких полос должно быть в колхозе 255 гектаров.

— Вот смотрите, — Литовченко повернулся к большой карте колхозных полей, висевшей на стене его кабинета. Карта была покрыта зеленой сеткой существующих и будущих зеленых насаждений. Они тянулись с юга на север и с запада на восток. Дуб, акация, клены преграждали доступ горячим ветрам, защищали посевы.

— Для весенней посадки, — продолжал он, — мы уже заготовили 160 тысяч саженцев и закладываем собственный лесопитомник, чтобы в будущем снабжать саженцами всю нашу херсонскую степь. У нас в колхозе есть теперь свой лесотехник Надежда Гаптарь.

Литовченко улыбнулся:

— Лесотехник в степи!.. Практика показала нам, что вблизи полезащитных полос урожай получают выше на три, а то и на четыре центнера. Стало быть, осуществление плана лесопосадок значительно повысит нам урожай зерновых. Это — третья возможность.

Литовченко говорил увлеченно и с большим знанием дела.

— Я ведь агроном, — сказал он. — Хотя сам из рабочих...

Он родился в Днепропетровске. Работал там на заводе. Вступил в комсомол. В 1930 году был послан партией в числе двадцати пяти тысяч коммунистов и комсомольцев в деревню. Приехал и остался там навсегда. Стал колхозником. Потом окончил сельскохозяйственный институт и снова вернулся в колхоз.

Колхозное дело стало ему родным. Он рассказывал о перспективах развития хозяйства, о механизации:

— Сколько возможностей в этом деле! В нашем колхозе нынешней весной будут работать 34 трактора (в переводе на пятнадцатисильные). Мы стали пахать с предплужником. А знаете ли, что введение этого маленького плужка так сказалось на обработке почвы, что лишних два-три центнера с гектара можно считать уже лежащими в закромах!

И, наконец, огромная возможность — в самих наших людях.

Люди колхоза...

Коллективный социалистический труд поднял советского крестьянина, создал исключительно благоприятную обстановку для развертывания его творческих способностей, неизмеримо расширил его кругозор.

В колхозе имени Сталина мне пришлось ночевать у самых простых людей. Хозяйка хаты, женщина лет пятидесяти, работает рядовой колхозницей в одной из полеводческих бригад. Вечером к ней забежала соседка, и они говорили между собой о том, что какой-то Андрей, видимо, шофер, поленился лишний раз съездить за бывшими на станцию калийными солями.

Когда соседка ушла, я спросил у хозяйки, достаточно ли знакомы они с разными минеральными удобрениями. А то ведь можно и перепутать!

— Да что вы, — ответила она с явной обидой в голосе, — неужели я перепутаю хоть те же калийные соли с какой-нибудь аммиачной селитрой? Какой же это колхозник, если в таких вещах разобраться не может? Мы ведь учимся. Я вот, хоть и пожилая, а тоже в кружок ходила. Да и дети в доме. Один семилетку кончил, другая на агрономических курсах была. В семье-то теперь разговоры другие...

На другой день с утра животновод колхоза Никита Никитович Беличенко показывал мне колхозные фермы. В длинном сухом и светлом коровнике стояли коровы красностепной породы.

— До войны, — сказал Беличенко, — у нас были автопоилки. Но все оказалось разрушенным. Теперь обзаводимся снова. Водопровод есть, а вот ждем автопоилку, — удобнее и гигиеничнее.

Мы осматривали свинарник, где также были чистота и порядок. Наконец, Беличенко решил показать гордость колхоза — ферму рысистых породистых лошадей.

В денниках стояли стройные кони. Шерсть на них лоснилась, как атласная.

— Вот, — сказал конюх, указывая на темносерого жеребца, — чистокровный орловец. «Парус» — сын «Вальса» и «Пурги Первой». Этому рысаку цены нет.

«Парус» косился горячим фиолетовым глазом и нервно шевелил нежными бархатными ноздрями.

— Сегодня у нас первый день случки, — сообщил Беличенко. — Отсюда зайдем на пункт искусственного осеменения. Да, у нас применяется искусственное осеменение коров, лошадей, овец. Мы его ввели по совету академика Гребень. И результаты очень хорошие.

На пункте шла подготовительная работа. Всюду здесь была больничная чистота. Колхозница, одетая в белый халат, грела воду, поглядывая на термометр, раскладывала на столике сверкающие никелем инструменты. Тут же стоял небольшой микроскоп.

— Даже и такая штука имеется! — сказал я.

— Без микроскопа нам невозможно, — ответила колхозница и, обратившись к Беличенко, сказала:

— Никита Никитович, надо позаботиться о глюкозе. Мало осталось.

Пришел техник по искусственному осеменению Федор Васильевич Лахин, бритый мужчина лет сорока.

— Сейчас у парикмахера был, — сказал он. — Побрился. Тот хотел было одеколончиком освежить, но я говорю: невозможно. Буду анализы делать, и посторонние запахи могут мешать.

Лахин внешностью своей похож на фельдшера. Беличенко рассказал мне, что еще недавно техник был пастухом, рядовым чабаном колхоза. Потом его послали учиться на курсы по искусственному осеменению животных...

Я смотрел, как ловко и уверенно обращается Лахин с тонкими инструментами, как привычно действует в этой лабораторной обстановке, и думал: вот тебе и колхозник, пастух!

В колхозе имени Сталина сейчас два агронома, ветеринарный врач, несколько зоотехников, человек пятьдесят трактористов, восемь комбайнеров, десять шоферов, механики, слесари, электротехники, плотники, каменщики. Это — крестьяне.

В колхозе пять школ, в них — двадцать учителей. И большинство учителей вышло из среды своей же колхозной молодежи.

Но даже и те, кто не входит в число упомянутых мною специалистов, а просто значится в именных списках колхоза либо чабаном, либо рядовым колхозником, — это крестьяне нового типа...

Колхозница из пятой бригады Мария Гомон ведет дневник наблюдений за озимыми посевами. В этом дневнике записаны не только сроки посева, боронования, подкормки, но и личные ее, Марии Гомон, наблюдения и мысли о применении на практике современных научных открытий.

Старик-колхозник Григорий Гусак, заведующий хатой-лабораторией, переписывался с академиком Лысенко.

Я разговорился с чабанами девятой бригады, расположенной на самом берегу Сиваша. В должности старшего чабана состоит там Матрена Пахоменко, депутат Херсонского областного Совета. Чабанами работают три ее дочери, сын и зять. Так вот, эти чабаны говорят:

— Нынче чабан не просто пастух. Он и ветеринарию знать обязан и с техникой должен быть хоть немного знаком. А как же? Возьмите простое дело — стрижку овец. Она у нас электрифицирована. Наши молодые чабаны, как правило, семилетку окончили.

3.

По вечерам над степью горят электрические огни. В субботу, в канун выходного дня, в колхозном клубе либо показывают кинокартину, либо устраивают вечер самодеятельности, на котором выступает свой колхозный оркестр, свои чтецы-декламаторы, свои любители драматического искусства.

Да и будничные вечера в деревне — это уже не те тоскливые, темные вечера, о которых писал в свое время А. П. Чехов.

На Херсонщине я познакомился с Шурой Кривцовым.

Ему тридцать лет. У него ровный, спокойный характер. Разговорившись о деревенской жизни, Шура сказал, что вот учиться ему пришлось маловато. Он кончил всего шесть классов. Потом пошел работать, потому что так сложились семейные обстоятельства.

— А я очень люблю читать, — рассказывал он. — У меня есть своя небольшая библиотечка. Книг около трехсот.

— А что вы читали за последнее время?

Шура пожал плечами и, как бы оправдываясь, сказал:

— Знаете, в наших местах трудно бывает достать новинку. Ну что я прочел? Конечно, Фадеева, Полевого, «Звезду» Казакевича, «Спутники» Веры Пановой. Очень понравилась «Весна в Сакене». Очень хорошо написан роман «Кавалер Золотой Звезды». Конечно, читал Твардовского, Грибачева, Малышко...

Потом я узнал, что Шура увлекается также шахматами.

— Очень приятно иногда посидеть над доской и подумать.

— И как играете?

— Играю в силу второй категории, — ответил он языком шахматиста.

— Ну, а подходящие противники есть?

— Наш кузнец Головкич довольно сильно играет. Кроме того, я сейчас играю с шахматистами Ворошиловграда, Грозного, Куйбышева.

— Как же это? — не понял я.

— По почте. Да разве вы этого никогда не слыхали? Редакция журнала «Шахматы в СССР» давно уже проводит такие турниры.

Признаться, на первых порах я подумал, что Шура Кривцов в деревенской жизни — явление исключительное. Но тут же услышал о том, что простая колхозница, бригадир полеводческой бригады Олимпиада Нечипас, в свое время кончившая только четыре класса, теперь, живя и работая в деревне, самостоятельно подготовилась для поступления в областную сельскохозяйственную школу и уехала туда, чтобы вернуться в колхоз агротехником.

Нет, в деревне теперь много возможностей для культурного роста. Электрические огни, сверкающие в степи под Херсоном, озаряют новую жизнь.

Поздно вечером шли мы с Кривцовым по притихшей колхозной улице. Свежий весенний ветер шелестел вет-

вьями черешен в саду. Вдали ритмично постукивал двигатель электростанции. Над степью сияли голубые крупные звезды, и спутник мой вполголоса, но с чувством прочел украинские стихи:

Славлячи трудами
Сонячну Вітчизну,
Під багряним стягом
Нам вперед іти,
На ясні вершини комунізму,
До своєї світлої мети...

- Чьи это? — спросил я.
— Это написал один молодой колхозник.
— Ваш?
— Мой брат Володя, — ответил Кривцов.

4.

На участке восьмой бригады рыли длинные, широкие траншеи. Края их закрепляли бетоном, а дно засыпали пухлой, жирной землей.

За работами наблюдала Надежда Гаптарь.

— Это для цитрусов, — сказала она про траншеи. — Здесь будут расти лимоны. Так советуют наши друзья из Грузии...

О друзьях из Грузии стоит рассказать подробнее.

В 1939 году в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке председатель колхоза имени Сталина познакомился с колхозниками из селения Шрома Махарадзевского района Грузинской ССР. Их колхоз так же, как и колхоз имени Сталина, был широко показан на выставке. Украинцы интересовались работой и жизнью своих грузинских знакомых. Грузины в свою очередь проявляли живой интерес к работе украинского колхоза. Возвращаясь с выставки домой, они стали переписываться. Из писем было видно, что и те и другие не намерены ограничиваться перепиской. Они решили соревноваться друг с другом.

Грузинские колхозники приехали в гости к своим херсонским знакомым. Те сочли своим долгом посетить селение Шрома. Так возникла меж ними дружба.

Оба колхоза росли и крепились. И если одним удавалось добиться чего-то нового, они спешили сообщить об этом своим друзьям, поделиться опытом.

Во время войны многие из колхозников артели имени Сталина, ушедшие в армию по первой мобилизации, потеряли связь со своими родными. Они не знали, удалось ли семьям эвакуироваться или пришлось остаться на оккупированной территории. Что стало с колхозом? Удалось ли спасти машины и угнать скот? Где об этом узнаешь? Куда писать?

Многие стали писать своим друзьям в Грузию. Те незамедлительно отвечали на письма, помогали людям, разбросанным по разным фронтам, связаться друг с другом. Случалось, что раненый красноармеец, бывший колхозник артели имени Сталина, выйдя из госпиталя и получив отпуск для поправки здоровья, не задумываясь, ехал в селение Шрома. И, когда товарищи спрашивали его, куда едет, он отвечал:

— К своим, в Грузию.

Там принимали его, как родного. Заботились, поправляли. И он жил «у своих» неделями и месяцами.

После войны, когда херсонским колхозникам пришлось заново восстанавливать хозяйство, да еще переживать страшные годы засухи, грузины помогали им, чем могли. Присылали кукурузу, фрукты, вино и даже кое-что из одежды для ребятишек.

Это было трогательным проявлением настоящей дружбы народов...

По мере того как возрождалось хозяйство херсонских колхозников, возрождалось и соревнование с друзьями из Грузии. На исходе 1948 года грузины прислали письмо.

«Десять лет тому назад, когда началось между нами соревнование, — писали они, — наш колхоз собрал 260 тонн чайного листа. В нынешнем году с той же площади мы собрали уже 590 тонн чайного листа...»

Грузины рассказывали о своих успехах и выражали уверенность, что колхоз имени Сталина, хотя и пострадал от войны, но снова займет почетное место среди лучших колхозов Украины и, между прочим, советовали своим друзьям заняться разведением цитрусовых на